

ББК: 821.161.1-32 (Рубина Д.)
УДК: 83.3 (2 Рос = Рус) 64-8,444

В. И. Клепикова
V. Klerikova
г. Екатеринбург, УрГПУ
Yekaterinburg, USPU

**ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РАССКАЗАХ Д. РУБИНОЙ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**
**INSERT CONSTRUCTIONS IN D. RUBINA'S STORIES: FEATURES OF
FUNCTIONING**

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей функционирования вставных конструкций в двух рассказах Д. Рубиной – «Мастер-тарабука» и «Я и ты под персиковыми облаками». В выбранных произведениях вставные конструкции связаны с образом главной героини. В первом случае это самостоятельный персонаж, во втором – за образом героини скрывается образ самого автора произведения – Д. Рубиной, о чём свидетельствуют её автобиографические черты. В статье выявлены основные функции вставных конструкций в проанализированных рассказах.

Ключевые слова: идиостиль Д. Рубиной; образ автора; художественный текст; функции вставных конструкций.

Abstract: The article is devoted to features of functioning insert constructions in two D. Rubina's stories – «Master-tarabuka» and «Me and you under the peach clouds». In selected texts insert constructions connect with the type of main heroine. In the first case there is an independent character, in the second for the main character's type is hidden author's (D. Rubina's) type, as evidenced by her autobiographical features. The article reveals the main functions of insert constructions in the analyzed stories.

Keywords: D. Rubina's idiostyle; author's type; artistic text; function of insert constructions.

Дина Рубина – одна из самых известных в настоящее время писательниц, представительниц такого направления в литературе, как современная женская проза. Её творчество вызывает интерес не только у читателей, но и у исследователей. Наша статья посвящена выявлению специфики функционирования вставных конструкций в произведениях Д. Рубиной.

В научной среде принято считать, что вставные конструкции выполняют различные функции, наиболее важная из которых – передача дополнительной информации о содержании того высказывания, в состав которого они включены, т. е. внесение попутных замечаний в основное повествование. Однако в произведениях Д. Рубиной вставки не только заключают в себе отсутствующую в основном тексте предложения информацию, но и выполняют ряд других функций, не исследованных ранее.

Данная статья посвящена специфике функционирования вставных конструкций в двух рассказах Д. Рубиной – «Мастер-тарабука» и «Я и ты под персиковыми облаками». В выбранных нами произведениях вставочные элементы связаны с созданием образа главной героини. В первом случае это самостоятельный персонаж, во втором – за образом героини скрывается сама Д. Рубина, о чём свидетельствуют её автобиографические черты. Проследим, как вставки создают образ персонажа в каждом из произведений.

В рассказе «Мастер-тарабука» описание происходящих событий ведётся от лица автора-повествователя, которым является главный герой рассказа – Митя, вспоминающий о развитии своих отношений с главной героиней, обозначенной в тексте рассказа как Мастер-тарабука. Повествователь вспоминает 1) свою первую встречу с героиней и то впечатление, которое она произвела на него: *«Тут раздался грохот и в витрину галереи чуть не влетел мотоцикл. Юноша, примчавший на нем, – необычайно хрупкий рядом со своим блестящим черным быком, – снял шлем, тряхнул гривой волос и оказался девушкой. Это и был специалист по освещению»*; 2) момент убеждения себя самого в том, что ему симпатичны лишь профессиональные качества героини: *«Несколько споткнувшихся друг о друга взглядов, две-три фразы – исключительно по делу! (она действительно была классным специалистом: где-то убрала прямой свет, где-то направила его прямо на картину, где-то приглушила, где-то вдруг осветила пустой угол с одинокой плетёной корзиной, – и экспозиция выставки мгновенно приобрела респектабельный, неуловимо западный, дорогой вид...)*; *ее клоунские складочки вокруг всегда смеющегося рта, точные и плавные взлеты-движения рук, униженных дешевыми серебряными браслетами, какими – целыми гроздьями – торгуют арабы на „шук шишишим“ – блошином рынке в Яффо, и главное, его, Мити, неожиданное и не свойственное ему с женщинами, смущение ...– словом, минут через двадцать поняли оба, что влипли»*. Внешний план повествования представлен в основной части предложения, а яркие черты образа героини, которые произвели на него особое впечатление, «спрятаны» во вставки. В связи с последней из ранее приведённых конструкций интересно отметить прямо пропорциональную связь объёма основного предложения и вставки. Также можно отметить, что более масштабные вставочные элементы Д. Рубина отделяет скобками, в отличие от небольших, которые обособлены с помощью тире – любимого знака писательницы. Именно с этой вставки начинается линия контраста в характере героини: «западные» профессиональные качества и «восточный» ореол образа, навеваемый браслетами. Рассказчик вспоминает также ситуацию близкого знакомства с героиней, когда люди узнают друг о друге что-либо необычное, скрытое от других: *«(Позже обмолвилась, что игре на этом инструменте обучил ее дядя, младший брат отца, тот, что в юности, в Багдаде, несколько лет сопровождал игрой на тамбурине выступления самой непревзойденной Надьи – знаменитой танцовщицы, на чей танец живота съезжались любоваться богатеи „со всего Бовеля“)*». Здесь вновь прослеживается восточная черта образа героини. Необходимо отметить особую синтаксическую позицию данной вставки: она составляет отдельный абзац, заключённый в скобки, чтобы привлечь внимание читателя

к скрытому сюжетному повествованию, развивающемуся во вставных конструкциях на протяжении всего рассказа. Вставочные элементы первой части рассказа «Мастер-тарабука» раскрывают наиболее важные, с точки зрения логики повествователя, детали образа девушки через внутреннюю речь главного героя.

Конструкции второй части рассказа, которая соотносится и с переломом в ходе отношений героев, смещаются в зону Мити, раскрывают его мысли о динамике отношений, т.е. они лежат вне описания самого образа героини. Вставки создают упомянутый нами ранее второй сюжет, который развивается параллельно основному действию: в нём мы постепенно понимаем глубину чувства, овладевшего героями, которое они пытаются скрыть даже от самих себя.

В другом выбранном нами рассказе «Я и ты под персиковыми облаками» главная героиня является и персонажем, и повествователем. Второй центральный персонаж – пёс по кличке Кондрат. С самого начала его описание подобно характеристике романного героя: *«Такой себе шерстистый господинчик не крупной комплекции, скорее, белый, с чёрными свисающими ушами, аккуратно разделёнными белым пробором, что делает его похожим на степенного приказчика большого магазина дамского белья. На спине тоже есть несколько больших чёрных пятен, хвост белый, энергичный, ответственный за все движения души. <...> Не Бог весть что, но длинная взъерошенная морда и чёрные глаза, саркастически глядящие сквозь лохмы казацкого чуба, изумительно человекоподобны»*. Его называют личностью, у него свой характер, повадки, у него, как и у людей, переменчивое настроение и т. д. Всё это раскрывается не только на уровне основного сюжетного действия, но и во вставках, которые включают неожиданно вспомнившиеся или особо важные детали, на которые читатель обратит внимание в силу синтаксической «особости» конструкций. Героиня очень часто интерпретирует поведение пса, пытается продумать, какая мысль может быть у этого существа в той или иной ситуации: *«Взяла его на ладонь, он куснул меня за палец, отстаивая независимость позиции, придержал ухваченное в зубах, как бы раздумывая – что делать с этим добром, к чему приспособить...и сразу же принялся деятельно зализывать, – „да, я строг, как видишь, но сердцем мягок“...»*. Можно отметить здесь характерную именно для данного текста особенность обособления вставок: с одной стороны тире, с другой – многоточием. То есть сначала мысль поймана как неожиданно появившаяся, затем она продолжает развиваться как основная, затмевая первую часть предложения. Порой объектом анализа героини становятся не только действия собаки, но и её лай: *«ГУ?!...ГУ?!...(чудовищное напряжение, нос трепещет) Гу-у-у?!...(хвост – пропеллер) ГУ-ЛЯ-А-АТЬ!?»*. Она пытается угадать, что просит питомец, и рисует читателю его внешний облик в этот момент. Частотны сравнения собаки с человеческими образами не только приказчика магазина, но и ковбоя, султана с гаремом, героя-любownika, пловца: *«...дожидаясь, когда его главная приятельница подойдет к парадному, вот она скрылась из виду...тогда он валится со стула боком – так пловцы уходят с вышки в воду – мчится к двери и с размаху колотится в нее лапами, всем телом, оглушительно причитая и пристанывая...»*. Однако на фоне прямого очеловечивания любимого питомца, в репликах героини прослеживаются и прямые указания на звериные

замашки пса, его животные инстинкты: *«Он счастлив, – боевой конь, тигр, бешеный арап, зверюга проклятая, – всё это, как вы понимаете, доводят до его сведения потом, когда, распротёршись мохнатым ковриком, он бесильно валяется под стулом»*. Когда у читателя закономерно возникает вопрос, зачем при таком описании пса-рыцаря упоминать о его различных недостатках, появляется ответ в виде вставной конструкции: *«(Я упоминаю о его слабостях отнюдь не для того, чтобы опорочить одно из самых бескорыстных и благородных существ, когда-либо встретившихся на моем пути, но если уж говорить, то говорить начистоту. Справедливость алчет правды)»*. Как и в предыдущем рассказе, данная вставка является самостоятельным абзацем, заключённым в скобки.

В данном рассказе также прослеживается включение во вставочные элементы мыслей героини, её убеждение самой себя в минуты отчаяния: *«Ева плакала... Да и мы – были минуты – совсем теряли надежду»* / *«Мчатся тучи, выются тучи, дождь припускает уже в полную свою волю, и я ругаюсь вслух и вслух же – благо, никого вокруг нет – спрашиваю себя – за что мне это ежесуточнее наказание?»*. Есть вставочные конструкции, апеллирующие к читательскому сознанию: *«И вы поднимаетесь и лезете в джинсы, путаясь в штанинах, с трудом разлепляя глаза и не попадая ногой в кроссовки, тем более что один кроссовок (одну кроссовку?) этот негодяй куда-то уволок и яростно треплет, рыча и скалясь в экстазе»*. Приходится задуматься, как же правильно. А верный вариант заключён во вставке.

Таким образом, вывод, к которому автор подводит читателя с помощью логики развития основного действия, а также более глубокого раскрытия во вставных конструкциях характера собаки, – это параллелизм характеров человека (в данном случае главной героини) и животного (питомца по кличке Кондрат), объединяющим началом которого является «радость бытия», что умеют ценить и понимать и хозяйка, и её питомец.

На основе проведённого анализа можно сделать вывод о характере функционирования вставных конструкций в произведениях Д. Рубиной.

Синтаксически вставки в рассказах разнородны: это может быть словоформа, словосочетание, простое распространённое / сложное предложение (разные по цели высказывания), абзац. Во вставках встречаются междометия, вводные слова, предложения с прямой речью, вопросно-ответные формы и др.

Функции вставных конструкций в рассказах Д. Рубиной могут быть следующими:

- детальное раскрытие облика героя / героини;
- передача мыслей героя / героини, порой – скрытых, возникающих только в подсознании;
- интерпретация чьих-либо мыслей / поведения / речи;
- сравнение с кем- / чем-либо;
- апелляция к сознанию / подсознанию читателя и др.

В целом же в текстах рассказов писательницы вставные конструкции работают на создание более или менее явного (в зависимости от главной цели)

второго сюжета, который возникает как «поток сознания» и развивается параллельно с динамикой основного сюжета. Это помогает более детально и глубоко понять внешние события главного сюжета, почувствовать то, что чувствуют герои, и прожить все события вместе с ними.

Библиографический список

1. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М. : Высшая школа, 1990. – 166 с.
2. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник для вузов / Н. С. Валгина. – М. : Высшая школа, 2001. – 432 с.
3. Мирошникова, М. Г. Поэтический синтаксис в прозе Д. Рубиной (на материале романа Д. Рубиной «Вот идёт мессия!..») / М. Г. Мирошникова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 841–845.
4. Прияткина, А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения / А. Ф. Прияткина. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
5. Рубина, Д. И. Мастер-тарабука. Я и ты под персиковыми облаками / Д. И. Рубина. – <http://www.dinarubina.com/texts/tamburin.html>.
6. Серго, Ю. Н. Женская проза России: особенности художественной философии / Ю. Н. Серго. – <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-proza-rossii-osobennosti-hudozhestvennoy-filosofii>.
7. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : в 2 ч. – Ч. 2 : Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Академия, 2001. – 704 с.